

П.В. Владимиров

**Историческое исследование сказания о
походе Северского князя Игоря
Святославича на половцев в 1185 г. А.В.
Лонгинова**

Разбор проф. П.В. Владимирова

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.В. Владимиров**
Историческое исследование сказания о походе Северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. А.В. Лонгина: Разбор проф. П.В. Владимирова / П.В. Владимиров – М.: Книга по Требованию, 2023. – 42 с.

ISBN 978-5-458-14983-9

Из отчета о десятом присуждении пушкинских премий в 1894 году.

ISBN 978-5-458-14983-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

о Троянѣ, и въ третьей—«о всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся эпизодахъ Игорева похода». Эта неопредѣленность задачи «историческаго изслѣдованія» г. Лонгинова выразилась и въ слѣдующемъ замѣчаніи автора. Упомянувъ о томъ, что разработка Слова подвигается впередъ «черепашьимъ шагомъ» (стр. 8), что «многое въ Словѣ остается донынѣ загадочнымъ» (4 стр.), указавъ нѣсколько «слабыхъ сторонъ» въ выдающихся изслѣдованіяхъ Слова о Полку Игоревѣ, г. Лонгиновъ говоритъ: «считаю не лишнимъ предложить свои посильныя *соображенія* по содержанію *наиболѣе темныхъ отдѣловъ Слова* и возможно точное его переложеніе». Къ отрывочности изложенія присоединяется у автора еще стремленіе къ замысловатымъ выраженіямъ. Приведемъ примѣры того и другого, чтобы показать, какъ не легко извлекать выводы, отвѣты автора на главные вопросы предмета. Г. Лонгиновъ придаетъ большое значеніе рѣшенію вопросовъ о личностяхъ Бояна и Трояна. «Сообщаемымъ авторомъ Слова свѣдѣніямъ о Боянѣ и Троянѣ, говоритъ г. Лонгиновъ (стр. 9), я попытаюсь подвести точный итогъ (?) при помощи сложной аргументаціи, начавъ ее извлеченіемъ изъ *лѣтописей* (курсивъ автора). . . фактовъ изъ міра княжескихъ усобицъ». «Послѣ этого краткаго историческаго обзора. . . займемся разборомъ, говоритъ авторъ далѣе (на стр. 16), *наиболѣе темныхъ стиховъ. . . вступительной части Слова*. «Препятствія, встрѣчающіяся на каждомъ шагу при изслѣдованіи Слова, нельзя преодолѣть, пока мы не найдемъ ключа (?) отъ системы поэтической хронологіи Слова» (стр. 17). . . «Разматывал, съ помощью историческаго рычага, грузную цѣпь навязанныхъ въ повѣсти событій, я нахожу» (118). . . «Чтобы покопчить съ вопросомъ о тяжести Трояна и Мономаха, *приведемъ съ известность (?)*, по даннымъ Слова и лѣтописи, *свойства* вступившей на Троянову землю *обида* и ея прогрессивное развитіе¹⁾» (125 стр). . . «Въ

---

¹⁾ Въ оглавленіи послѣднее выражено еще замысловатѣе: «свойства вступившей на Троянову землю *обида* и ея прозябаніе» (?), (стр. II Оглавленіи).

заключеніе разберемъ три стиха Слова» (227 стр.), и т. п. Ниже я укажу у автора символическія и аллегорическія толкованія Слова, которыя еще болѣе затемняютъ «историческое изслѣдованіе» Слова о Полку Игоревѣ.

Итакъ нельзя не высказать сожалѣнія, что авторъ разсматриваемаго изслѣдованія не присоединилъ къ нему ни введенія, ни заключенія съ выводами. Обращаясь къ послѣднимъ, я останавлиюсь прежде всего на вопросѣ о происхожденіи Слова о Полку Игоревѣ. Поглощенный разборомъ «наиболѣе темныхъ отдѣловъ» Слова, г. Лонгиновъ оставилъ въ сторонѣ этотъ вопросъ; но изъ отдѣльныхъ разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ изслѣдованій замѣчаній его можно заключить, что онъ вполне раздѣляетъ извѣстный взглядъ на происхожденіе Слова о Полку Игоревѣ (противъ котораго было высказано не мало возраженій въ литературѣ), какъ на пѣсню, записанную послѣ того, какъ она была сложена устно. Вотъ выраженія автора въ этомъ направленіи въ разныхъ мѣстахъ его изслѣдованія: «Слово драгоцѣнный памятникъ *письменнаго* творчества» (стр. 3); Слово появилось въ 1185 г. (7), какъ «эпическое твореніе русскаго *пѣвца*» (8); «пѣвецъ руководился старыми былинными сказаніями» (стр. 21; срв. 4 стр. «былинный сводъ событій за 125 лѣтъ, отъ 1061 до конца 1185 г.»); «Слово пѣлось на пирахъ» (22); «отличительное качество Слова о Полку Игоревѣ, по роду источниковъ, состоитъ въ томъ, что въ канвѣ его, въ изложеніи былинъ, вовсе не существуетъ слѣдовъ *письменнаго* (курсивъ автора) элемента» (24); «пластическій языкъ Слова представляетъ наслоенія, которыя я объясняю: отчасти условіями устной передачи, отчасти согласно съ общеприпятымъ мнѣніемъ о вліяніи переписчиковъ, сводя его, впрочемъ, исключительно къ діалектическимъ особенностямъ правописанія и опущенію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквъ, но болѣе всего — талантомъ самого автора, умѣвшаго художественно сочетать формы живого древне-русскаго языка съ церковно-славянскимъ, подчпняя ихъ своимъ равнымъ изгибамъ своей мысли» (стр. 52—53), «пѣвецъ заимствовалъ поэтическіе

образы изъ пѣсеннаго творчества, уже ранѣе процвѣтавшаго, давъ имъ высоко-художественную группировку» (72); «если авторъ Слова внесъ въ свою повѣсть обломки древне-русскаго мифологическаго эпоса въ видѣ былигъ, съ именами русскыхъ языческихъ боговъ, то это вызывалось *уваженіемъ* его къ народнымъ преданіямъ и убѣжденіямъ и условіями поэтическаго творчества, а не вѣрою въ языческія божества. Религіознал идея Божьяго правосудія и политическая теорія *единства русской земли* подъ верховною властью старшаго князя, вложенная въ двѣ знакомыя намъ притчи (Бояна), вотъ коренныя принципы, на которыхъ зиждется вся поэтическая философія пѣснотворца стараго времени (Болна), воспринятая и разработанная по былинамъ пѣвцомъ (Слова о Полку Игоревѣ) новаго времени» (89 стр.); «списки Слова, появившіеся, вѣроятно, въ концѣ XII стол., въ самомъ началѣ XIV ст., были въ сѣверо-русскихъ бібліотекахъ» (115 стр.); «пѣвецъ близко былъ поставленъ къ великому князю кievскому и изучилъ его натуру» (198 стр.); «пѣвецъ располагалъ событія сообразно былинному матеріалу и своимъ личнымъ впечатлѣніямъ» (199); «правдивый и задушевный рассказъ пѣвца по современнымъ ему былинамъ» (206); «*первоисточникомъ* утраченной рукописи могла быть устная передача пѣсеннаго Сказанія о Полку Игоревѣ. Будучи тщательно записано какимъ-либо образованнымъ любителемъ, оно, естественно, могло на письмѣ сохранить и въ частности отпечатокъ малорусскаго произношенія... Если текстъ Слова дошелъ до насъ по списку, воспринявшему со всею точностью устную передачу, чего нельзя отвергать, то, безъ сомнѣнія, первоначально оно было записано вскорѣ послѣ Игорева похода, никакъ не позднѣе конца XII в... Будь Слово записано позднѣе, оно навѣрное подверглось бы измѣненіямъ, урѣзкамъ и дополненіямъ примѣнительно къ позднѣйшимъ обстоятельствамъ... При неоднократной перепискѣ Слова древнія формы языка его нѣсколько пострадали... переписывалось Слово не такъ часто, какъ лѣтописи, ибо оно къ концу XIV в. во многихъ отношеніяхъ стало

непонятнымъ» (230—231 стр.); «пѣсенный мѣрный складъ Слова самъ по себѣ служилъ надежнымъ предохранительнымъ средствомъ отъ произвольныхъ передѣлокъ» (232); «языкъ Слова въ своемъ *источникѣ* есть языкъ малорусскій, хотя, будучи переписано гдѣ нибудь въ Ростовской или иной области, оно могло воспринять и нѣкоторую примѣсь нарѣчій великорусскаго» (250 стр.); «живой народный языкъ — лучшее украшеніе Слова» (261).

Принявъ этотъ взглядъ на происхожденіе Слова (вѣроятно преимущественно отъ Огоцовскаго — «Слово о Полку Игоревѣ», Львовъ, — изданіе и объясненія котораго г. Лонгиновъ называетъ «капитальными», стр. 231, прим. 2), авторъ разсматриваемаго изслѣдованія представляетъ такую картину историческаго развитія древнерусской поэзіи, къ которой непосредственно примыкаетъ Слово о Полку Игоревѣ. «Былины складывались среди суевѣрной и грубой толпы солнцеклонниковъ» (163 стр.); къ числу такихъ народныхъ былинъ, которыми воспользовались лѣтописи и Слово, относится былина о волкообразномъ Всеславѣ (163—167); «авторъ Слова дробитъ эту былину на двѣ части» (164). Это отдаленная богатырская область эпоса, нашедшая выраженіе въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ эпическаго характера о древнѣйшихъ временахъ; «дѣянія богатырей всякаго происхожденія» (39 стр.) продолжали прославлять и въ эпоху первыхъ княжескихъ усобицъ, когда явились «пѣсни, слагавшіяся многими дружинными пѣвцами по памятнымъ преданіямъ съ незначительной долей свободнаго творчества, съ отраженіемъ мѣстныхъ областныхъ интересовъ» (43). Г. Лонгиновъ допускаетъ вліяніе скандинавскихъ сагъ на эти древнѣйшія пѣсни и сказанія (стр. 65—66). Къ этой эпохѣ примыкаетъ княжеско-дружинный эпосъ временъ Ярослава I. Представителемъ другой эпохи княжеско-дружиннаго эпоса является Боянъ (котораго, согласно съ Вельтманомъ, г. Лонгиновъ готовъ отождествить съ лѣтописнымъ Яномъ, стр. 91). Боянъ, воспѣвая князей эпохи Владимира Мономаха-Трояна «по строго обдуманному плану», «систе-

матически преслѣдуя широкіе государственные идеалы» (43 стр.), съ назидательнымъ тономъ (45), давалъ перевѣсъ въ своихъ нѣсплахъ мѣологическому элементу надъ историческимъ (45); онъ «перерабатывалъ народныя мѣологическія вѣрованія первобытнаго эпоса» (46). Отсюда-то г. Лонгиновъ объясняетъ и мѣологическій элементъ Слова о Полку Игоревѣ, какъ «остатки Боянова творчества» (65). Авторъ - нѣвецъ Слова, въ противоположность этому мѣологическому творчеству Бояна, почерпаетъ «свѣдѣнія преимущественно изъ родника народныхъ сказаній», онъ держится «почвы народныхъ былинь» (45); онъ дѣлаетъ сводъ былинь (24); онъ вноситъ въ этотъ сводъ и «плоды своего творчества» (188), съ замѣчательными поэтическими приемами «тонкаго психолога-поэта» (49 стр.), нѣвца съ «интенсивностью чувства и обширнымъ умственнымъ кругозоромъ» (стр. 126). Кажалось бы, эти выводы даютъ цѣльное представленіе объ опредѣленномъ взглядѣ автора на происхожденіе Слова о Полку Игоревѣ. А между тѣмъ, если собрать другія замѣчанія его по этому же вопросу, то окажутся нѣкоторыя противорѣчія. Въ эти противорѣчія г. Лонгиновъ долженъ былъ впасть, слѣдуя разнообразнымъ мнѣніямъ въ литературѣ предмета (къ которой онъ отнесся не вполне критически) и желая точнѣе опредѣлить въ словѣ отношеніе исторіи къ мѣу, искусственной поэзіи — къ народной. Назвавъ свое изслѣдованіе «историческимъ», авторъ оставилъ безъ вниманія одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ для объясненія Слова — русскую народную поэзію, и даже шире — народную поэзію славянскихъ и другихъ народовъ¹⁾. Я приведу ниже примѣры того, какъ важенъ этотъ источникъ для объясненія стила и даже содержанія Слова. Согласно своей «исторической» — узко понятой задачѣ, авторъ разсматриваемаго

---

¹⁾ На стр. 130 и далѣе г. Лонгиновъ, отмѣчая нѣкоторыя сопоставленія дѣвы - обиды съ образами народной поэзіи, высказывается противъ этихъ сопоставленій; изрѣдка онъ ссылается уже на указанные примѣры изъ русской народной поэзіи, но только для объясненія отдѣльныхъ выраженій Слова.

изслѣдованія открываетъ историческіе факты въ такихъ предпологаемыхъ символическихъ и аллегорическихъ образахъ, которые вполне объясняются изъ условій народнаго пѣсеннаго творчества. Если присмотрѣться къ пособіямъ автора, то легко замѣтить, что онъ отдаетъ особенное предпочтеніе лѣтописямъ и вообще древнерусской письменности. Но эти пособія естественно должны были привести автора къ указанію книжныхъ элементовъ въ Словѣ. И дѣйствительно, г. Лонгиновъ указываетъ нѣкоторые книжные элементы въ Словѣ (на стр. 27, прим. 1; 35 вліяніе церковнаго пѣснопѣнія; 36 знакомство автора Слова съ твореніями І. Златоустаго; 47, 50 Даніилъ Заточникъ, Бесѣда трехъ святителей; 51—52; 66—67 вліяніе на Слово Гомера; 73—76 папорзи и шестокрыльци — церковнаго, византійско-болгарскаго происхожденія; 103, 116, 142 прим. 2 и друг.), говоритъ даже о «системѣ риторической терминологіи» въ Словѣ (47 стр.). Такимъ образомъ онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ вышеприведенными односторонними заключеніями о пѣсенномъ, устномъ происхожденіи Слова, объ отсутствіи въ немъ слѣдовъ *письменнаго* элемента (24 стр.). Еще болѣе рѣзкое противорѣчіе является у автора въ разграниченіи въ Словѣ историческихъ элементовъ отъ мифологическихъ. Уже съ первыхъ строкъ своего «историческаго изслѣдованія» авторъ даетъ понятъ, какое важное мѣсто отводитъ онъ въ Словѣ «системѣ народной философіи», выразившейся въ изображеніи двухъ началъ — свѣта и мрака: «русская земля, обреченная на тяжкое испытаніе, отдается временно во власть представителя тьмы — злобнаго существа Дива, но, благодаря покаянію Игоря и мольбамъ жены его Ярославны, снова озаряется благодатнымъ свѣтомъ» (стр. 3). На стр. 109 г. Лонгиновъ опредѣленно высказывается за широкіе мифологическіе выводы изъ Слова: «космогонической идеей борьбы свѣта и теплоты съ тьмою и холодомъ, начала животворнаго съ началомъ смертоноснымъ, проникнута почти вся повѣствовательная часть нашего Слова. Видоизмѣняясь въ былинномъ его составѣ подъ угломъ зрѣнія національныхъ мифическихъ воззрѣній, она

придаетъ ему неподражаемую поэтическую прелесть». Не говоря уже объ именахъ языческихъ божествъ въ Словѣ, г. Лонгиновъ съ своей мифологической точки зрѣнія отыскиваетъ мифы и въ словѣ «рѣчь» въ извѣстномъ мѣстѣ: «помняшетъ бо рѣчь (вм. речь) прѣвыхъ временъ усобицѣ»; «представленіе автора Слова о древнѣйшей пѣсенной рѣчи восходитъ, чрезъ промежуточные ступени, къ составляющему содержаніе многихъ гимновъ въ Ригъ-Ведахъ мифу о *Rytm*, какъ плодосномъ божествѣ... Слѣды этого мифа отразились въ Словѣ», и проч. (42 стр.). Авторъ видитъ «солнечную природу» не только въ Троянѣ, но и въ князьяхъ несчастнаго похода 1185 г. — въ Игорѣ, въ Всеволодѣ (177). Увлеченіе мифологіей доходитъ до того, что авторъ, разбирая волкообразную природу вѣщаго князя Всеслава, говоритъ «о поразительной чуткости Всеслава къ заутреннему звону, призывавшему на служеніе *Хорсу въ Пололтѣ*» (153). Изъ выраженій Слова о Полку Игоревѣ объ Олегѣ Гориславичѣ «тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу *коваше*» (какъ: «князи сами на себѣ крамолу *коваху*») г. Лонгиновъ выводитъ сопоставленіе Олега съ «кузнецомъ Вулканомъ (братомъ Юпитера), который, по нашимъ хронографамъ, будучи брошенъ своею матерью, *коваль* панцыри богамъ противъ гигантовъ» (стр. 15). Не проще ли обратиться за разъясненіемъ этого выраженія къ библейскимъ старославянскимъ выраженіямъ: «кою мысли злы», «коветь злая»; или къ такимъ замѣчательнымъ выраженіямъ церковныхъ памятниковъ, какъ «на небеси ковалъ бѣ славне мечъ» (Мин. Пут. XI в.), «коваху бѣды» (Миня 1097 г.). См. «Матеріалы для Словаря древне-русскаго языка», И. И. Срезневскаго, вып. 3.

И здѣсь, въ области мифологическихъ разысканій, мы видимъ отсутствіе у автора сравненій съ народными преданіями, съ народной поэзіей. Вмѣсто этихъ законныхъ средствъ извлеченія мифологическихъ толкованій, къ которымъ можно бы присоединить и болѣе широкія историческія разысканія, авторъ прибѣгаетъ къ стариннымъ приемамъ раскрытія въ мифахъ—символовъ и аллегорій. Этимъ легкимъ способомъ авторъ дѣлаетъ

открытіе въ лицѣ «великаго Хорса», которому «прерыскивалъ путь ночью волкомъ Всеславъ» — великаго князя Изяслава Ярославича (стр. 152—155: «Такимъ великимъ княземъ Хорсомъ въ описываемое время никто иной и не могъ быть, кромѣ Изяслава Ярославича, проходившаго тогда *путь великаго княженія Кіевскаго*, ибо княженіе представлялось *путемъ*»). — Я уже говорилъ о томъ, что г. Лонгиновъ придаетъ особенное значеніе изученію Слова въ «историческомъ» отношеніи, въ связи съ лѣтописями и съ другими памятниками древне-русской письменности (стр. 143). «Историческій элементъ Слова, говоритъ онъ въ самомъ началѣ своего труда (стр. 6), первенствующій въ немъ по своей важности, недостаточно еще разъясненъ, — за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ эпизодовъ, хорошо освѣщенныхъ научною критикою». Остановимся на этой главной задачѣ автора разсматриваемаго «Историческаго изслѣдованія сказанія о походѣ Игоря Святославича въ 1185 г.» Авторъ не даетъ въ этомъ отношеніи цѣльнаго труда: онъ отказывается «входить въ мелочный разборъ воззванія пѣвца къ князьямъ» (стр. 202), онъ не останавливается на подробной и цѣльной характеристикѣ состоянія княжествъ и ихъ представителей за разсматриваемое время, онъ не ищетъ въ лѣтописяхъ и въ Словѣ, за немногими исключеніями, того «обильнаго матеріала для изученія государственнаго, общественнаго, религіознаго и даже семейнаго быта древней Руси», какой указываетъ въ началѣ своего труда (4 стр.). Внимательное изученіе Слова въ связи съ лѣтописями и другими памятниками древне-русской письменности ушло у автора на увлекавшія его «соображенія по объясненію наиболее темныхъ отдѣловъ Слова» (9 стр.). Въ трудѣ г. Лонгинова разсыпано множество сопоставленій отдѣльныхъ выраженій Слова съ лѣтописными и съ выраженіями различныхъ памятниковъ древнерусской письменности — матеріалъ, отчасти уже вошедшій въ историческіе словари (Срезневскаго; Барсова — неоконченныи Словарь къ слову о Полку Игоревѣ), отчасти — совершенно новый. Объ этихъ сопоставленіяхъ мы скажемъ дальше, а теперь оста-

повимся на болѣе или менѣе дѣльныхъ историческихъ вопросахъ, затронутыхъ г. Лонгиновымъ, какъ-то: объ отношеніи Слова о Полку Игоревѣ къ лѣтописямъ, объ отношеніи автора Слова и Болна къ в. кн. Владимиру Мономаху, въ лицѣ котораго г. Лонгиновъ открываетъ загадочнаго «Троина», объ историко-географическихъ подробностяхъ несчастнаго похода Игоря Святославича въ 1185 г., о нѣкоторыхъ частностяхъ, въ родѣ разысканій о князьяхъ, народахъ и мѣстностяхъ, упоминаемыхъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

Отношеніе Слова о Полку Игоревѣ къ лѣтописямъ, какъ и вопросъ о происхожденіи Слова, затрогивается г. Лонгиновымъ въ разныхъ мѣстахъ его изслѣдованія. Авторъ видитъ сходство Слова п лѣтописи не только въ рассказѣ о событіи 1185 г. (причемъ признаетъ вліяніе Слова на лѣтопись: стр. 25, прим. 3; 124), но и въ общихъ отношеніяхъ. Подобно лѣтописному своду, Слово представляетъ былинный сводъ (стр. 24—25), хотя много былинъ отразилось и въ лѣтописи; но зато въ Словѣ нѣтъ слѣдовъ *письменнаго* элемента. И въ Словѣ и въ лѣтописи г. Лонгиновъ отмѣчаетъ притчи (55—57), извѣстія эпическаго характера, относящіяся къ древнѣйшимъ временамъ, и сходство ихъ съ скандинавскими сагами (66), нѣсенный складъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣтописи (69) и во всемъ Словѣ; черты книжности (72 и др.), одинаковыя описанія княжескихъ усобицъ и нашествій половцевъ (стр. 9 и д.), одинаковое отношеніе къ Владимиру Мономаху (стр. 137—147—148).

Я уже указывалъ выше противорѣчіе во взглядѣ автора на отношеніе книжныхъ элементовъ въ Словѣ къ устному нѣсенному происхожденію его. Точно также авторъ не выискивалъ для себя вопроса объ отношеніи лѣтописи къ старымъ русскимъ нѣсиямъ и въ частности къ Слову о Полку Игоревѣ¹⁾. А между

¹⁾ По мнѣнію г. Лонгинова «Галицко-Волынская лѣтопись *переполнена* описаніями походовъ, извлеченными изъ славныхъ *нѣсенъ*» (стр. 72). То же самое онъ видитъ и во многихъ мѣстахъ другихъ лѣтописей (стр. 67—70, 147—148, и др.).

тѣмъ лѣтопись представляетъ драгоцѣнный источникъ для объясненія Слова въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Еще Соловьевъ въ Исторіи Россіи въ III томѣ мѣтко замѣтилъ объ особенномъ вниманіи лѣтописи къ героямъ Слова о Полку Игоревѣ, несмотря на ихъ второстепенное значеніе, — что объясняетъ появленіе самого Слова; а извѣстныя капитальныя изслѣдованія о лѣтописяхъ И. И. Срезневскаго, М. И. Сухомлинова, К. Н. Бестужева-Рюмина и др., раскрыли отношеніе лѣтописей къ книжнымъ и устнымъ источникамъ. Теперь уже нечего доказывать, что въ лѣтописяхъ находятся не только записи современниковъ и очевидцевъ, но и пересказы устныхъ преданій съ отгѣнками народной поэзіи. Однако и теперь еще нелишнее опредѣлить дѣйствительныя черты народной поэзіи и такъ наз. дружинныхъ поэтическихъ преданій въ лѣтописяхъ и отдѣлить ихъ отъ прозаическихъ устныхъ разсказовъ, въ передачѣ которыхъ могли также отразиться черты стариннаго образнаго языка. Отмѣчу прежде всего немногія несомнѣнныя черты и пѣсеннаго размѣра, и поэтическихъ подробностей въ лѣтописныхъ разсказахъ. Подъ 1233 г. въ Новгородской лѣтописи по харатейному Синодальному списку находимъ слѣдующій отрывокъ изъ пѣсни, вполне соотвѣтствующій складу нѣкоторыхъ мѣстъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ: «Прѣставися князь Феодоръ, сынъ Ярославль вячший... и еще младъ. И кто не пожалуетъ сего? — *сватба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позваны* ¹⁾ (ср. въ Словѣ: «пути имъ ведомы, яругы имъ знаемы, люди у нихъ напряжены, тули отворены, сабли изъострени», и проч.) и бысть въ веселія мѣсто плачь и сѣтованіе за грѣхы наша» (изд. Археогр. Ком. 1888 г., стр. 242). Приведемъ и соотвѣт

---

¹⁾ Приведемъ и варианты этого мѣста по другимъ спискамъ. Во 2-ой Новгородской лѣтописи: «понеже бѣ свадба пристроена, медъ сыченъ и невѣста приведена, а князи призвани» — здѣсь очевидна передѣлка книжника и отчасти, можетъ быть, вариантъ народной пѣсни. Въ Тверской Лѣтописи (П. С. Р. Л. XV т., 361 стр.): «свадба приготовлена, и невѣста приведена, князи съзвани».